

Ия Сотникова
Райское древо
Стихи о любви

И жизни не сойти с размеренного круга,
пока не совершат смертельного витка
усилием двух бездн, взглядевших друг в друга,
высокая вода, небесная река...

Уже не погасить душе двойного зренья
и не переменить пылающих орбит,
как не остановить ни мне твое паденье,
ни моего тебе стыда не умалить.

И, тяжкий метеор, решаясь на движенье,
кровавый — золотой — горячий — ледяной,
ты падаешь в меня, и дрожь совокупленья
пронизывает нас, и боль идет волной...

Как на исходе ночи, тьма
овеществлялась —
чтоб никогда уже тюрьма
не отпиралась.

И мы не ждали синевы,
ее разлива,
мы были более мертвы
с тобой, чем живы!

Нам было всё позавчера,
от дней Адама...
Но дули мощные ветра,
скрипела рама,

Ия Сотникова — выпускница Литературного института им. А.М. Горького, член Союза писателей России, автор нескольких поэтических сборников. Живет в Невьянске, работает библиотекарем в школе.

и на исходе зимних зол,
сухой, колючий,
столетник всё-таки зацвёл,
на всякий случай!

Смотрю в открытый окоем —
жить глазу нечем.
Не в этом мире, так в ином
нам будет встреча.
Ты — звук и зов иных широт,
и глас из хора,
за что легла б на смертный одр —
без разговора!

И не сам соблазнился Адам,
а попутала Ева.
Я себя в твои руки отдам
возле райского древа.
Не чужая, еще не жена,
плод запретный глотаю.
Неужели невинность важна,
без любви, вот такая?

И бесчинствую, и трепещу,
и кричу что есть силы:
я не то, чем казаться хочу,
чем кажусь тебе, милый!
Чтоб познал ты меня и изрёк
мое имя в мученье...

Ну, и смилуйся, если ты — Бог,
и не требуй отмщенья!
Ибо за искусительный плод,
чьи блаженства и муки
искупая, Спаситель умрет, —
нам воскреснуть друг в друге...

Выдумала, прикинь,
тоже: «из инокинь»,
а помани перстом —
двинешь, как за Христом.

Мертвен автопортрет.
Не убаюкать, нет —
как восстаёт со дна
Матерь, темным-темна.

Не попадаю в тон...
Всё положу на кон...
А перед *ним* — в поклон,
ровно как у икон.

Вот он, родимый, — весь —
Хронос — Танатос — здесь:
буен да нелюдим —
поговори-ка с ним!

Будто бы мало своей тоски,
сырости — ну, так что ж —
чаю глотни, отдыхай и спи,
пусть барабанит дождь...

Смертной дремоты не превозмочь,
сон золотой — на лом.
Виевы веки поднимешь — ночь
белая за окном.

И наново не выстроили чтобы,
уже не прекратят нас рвать и штопать,
мотать, искать концы, латать прорехи
утехи райские да адские потехи...
Переменяя твердые решенья,
уйдя в свисток, крошась до мельгешенья,
душа, ты обзрешь каждый атом
в себе, любимой — подивись, анатом:
резекция — раскрылась сердца роза —
бери и оперируй без наркоза,
Бог — экзекутор, чье сугубо напряженье:
то погребение, то родовспоможенье.

Где младенцу игра и забава,
там анчутке — с тоски помереть.
Но беда, коль, бесовского нрава,
искусится святынею, неть!

Он сыграет, небес отщепенец,
для себя небывалую роль —
и вскричит неповинный младенец,
постигая жестокою боль!

А не думай — что всё это значит,
гром литавр, оглушительный гонг, —
и лови-отбивай этот мячик,
развеселый, нестрашный пинг-понг!

Вся любовь — по закону контраста,
где гореть нам — вовек не сгореть,
где всего-то на миг и удастся
содрогнуться — и оцепенеть.

Прекращение связи. Отбой.
Больше нету сигнала.
Надвигается фронт грозовой
от Москвы до Урала.

Долгу вёдру у нас не бывать,
на любовь тороватым, —
электрический мощный разряд
вечно спутает карты!

И коварной стихии расчёт
безобразней, чем слизи,
и тараном разлука идет
по всей линии жизни,

в борозду между мужем-женой
бросив семя раздора, —
и ты в келье своей восковой
снова ждешь приговора!

На театре военном, ахти,
всё меняется резко...
Сгинут, без вести пав, на пути
все мои эсэмэски.

Связь молчит двое суток подряд —
дальше ты уже вдовый,
в сотах — пусто... А то ж, говорят
нам про месяц медовый!

И чего нам ни дай — всё не так!
Дай порты — захотим и пиджак.
Тихий дом — да замучили мыши.
Нам и счастье не есть хорошо.
И ничто не бывает грешно,
коли ждать... А мы ждать не привыкли!

Вот и ты, о мой бедный малыш,
этой дуре с приветом звонишь,
психопатке, бумагомараке, —
не распутать земные узлы:
то здоровье, то хворь тяжелы,
то мужья, то коты, то собаки!

Ты меня называешь женой...
Спотыкаясь о шарик земной,
долу клонится грузное тело,
залегает усмешка у рта:
что бы значила тут красота? —
что и в зеркало нам не смотрела.

И как на смех уже, как на грех,
даст вкусить этих самых утех,
кроме шуток, судьба-разлетайка.
И взбодрисься, разыграешь — прыг-скок! —
тут тебя и накроет сачок:
в тесный короб давай полезай-ка!

Дальше надсадным хрипом крушить гортань
иль при свече достать перстенок заветный?
Резво бежит по сердцу озноб рассветный —
утренней рани стыда золотая лань...

Вот и настиг, и пригнул, как Ермак Сибирь!
Вот и веревки вей... а звалась двужилкой:
до смерти лепетом заворковал — subtilный,
легонький птенчик-младенчик, вьюрок, снегирь...

Шуму забвенных трав — темноте кровей,
плеску волос твоих, реющих и бесплотных,
обетованной землей прилежу, ей-ей,
в необоримой неге своей животной...

Мне в имени твоём — и «дар», и «сад»
послышится, привидится без блажи,
трезвейшее, святое — *Александр*,
и, как свеча, затеплится однажды.

В моем дому — за то ли, не пойму,
живёт твоё доверчивое имя,
и пред тобой склоняюсь — потому,
что, верно, не склонялась пред другими...

Утренняя молитва

На фотографию смотрю
его — как кошка на сметану...
Дозволь мне побывать в раю,
когда из мертвых я восстану!
И пусть ручьи горячих слёз
сцеловывает Божье лето —
мой, в белой маечке, Христос,
не выходящий из портрета!